

Об играх подобного типа — а продаются они не только в Англии — лондонский журнал «Гэйм энд пазлз» пишет: «...Они весьма глубоки, в них бесконечное разнообразие напряженных и критических моментов, возбуждающее действие которых зависит от склада ума и характера самих игроков».

Не берусь судить о том, на кого именно рассчитаны эти игры, кто ищет приятного и тонизирующего времяпрепровождения, «изменяя лицо Европы» и постукивая фишками «на уровне бригад и дивизий». Однако, когда читаешь статьи некоторых политических обозревателей в западных газетах, нет-нет, да и покажется, что комментируют они не события, имеющие место в реальности, а какую-то яростную партию в «нато», собравшую за столом маниакальных любителей острых ощущений.

Как и полагается в таких случаях, комментаторы, желая «подогреть» аудиторию, «подогревают» прежде всего самих себя. На страницах французской газеты «Фигаро» подобным «самоподогреванием» занимаются не только профессиональные журналисты, но и активно сотрудничающие в «Фигаро» такие писатели, как Пьер Данинос и Эжен Ионеско.

«Советские добились своего...», «...американцы ослабли», «безоговорочная капитуляция», «скольким стран брошено на произвол судьбы», «трусость обойдется дорого», «Америка проиграла...», «капитуляция», «позор», «Америка должна была бороться против России», «...нет, нет, это не больше чем временное перемирие» — такими выкриками наполнено «эссе» Ионеско, опубликованное в «Фигаро» после окончания совещания в Хельсинки. Почтенный академик, отмечал еженедельник «Франс ну-вель», «...побил все рекорды и кричал громче всех». Также, может сложиться впечатление, у него склад ума и характера, так уж он «нато»-низировался, не может спокойно рассуждать и обяза-

тельно должен «выкричать» терзающие его политические страсти, так уж близко принимает к сердцу судьбы Европы и мира. Вот и свою новую пьесу «Человек с чемоданами, идущую» сейчас в парижском театре «Ателье» и выпущенную издательством «Галлимар», тоже посвятил «новому коллективному подсознанию, сложившемуся благодаря «историческим событиям последних сорока лет». Так было заявлено в интервью, которое Эжен Ионеско дал Франсуазе Варенн накануне премьеры.

Заявление, само по себе способное привлечь внимание и возбудить некоторый интерес к пьесе и вместе с

Н. ВЛАДИМИРОВ

ЧЕМОДАНЫ ЭЖЕНА ИОНЕСКО

тем несколько неожиданное для тех, кому известно отношение Ионеско к чему бы то ни было «коллективному». Не так давно в отрывке из своего дневника, опубликованном в том же «Фигаро», автор «Человека с чемоданами» утверждал: «Коллективизмы угрожают социализировать индивидуум во всей его полноте, превратить человека целиком и полностью в общественное животное, метафизические глубины которого будут нейтрализованы, разрушены... Совершенно очевидно, что мы уже социализированы на 80 процентов... То немногое в нас, что не социализировано, делает нас людьми, составляет нашу душу».

Вольно, конечно, французскому академику заниматься любыми математическими выкладками и делить человека на 80 процентов общественного и 20 процентов метафизического. Но, естественно, возникает вопрос: из сложения каких процентов должно и может возникнуть то, что он именует «коллективным подсознанием», якобы выраженным в его пьесе?

Действительно, за 40 минувших лет произошло много событий, наложивших неизгладимый отпечаток на сознание каждого человека, но «презренной действительностью» Эжен Ионеско занимается лишь в те минуты, когда он считает полезным для себя примкнуть к игрокам в «нато», — ничто же кон-

кретное, историческое, даже в метафизической упаковке, на сцену его театра никогда не допускалось и по-прежнему не допускается.

По определению самого автора, «Человек с чемоданами» — это «сюита абсурдных ситуаций, которые иногда следуют друг за другом во сне». Не знаю, что испытывают зрители в театре «Ателье», но когда читаешь пьесу, невольно вспоминаешь слова французского юмориста П. Дака: «Сны были изобретены для того, чтобы не скучно было спать». Ионеско использует сны, как говорит-ся, «не по назначению», и пьеса с первых же страниц у бодрствующего человека по-

сторонники в зале и с трудом связывают вместе проплывающие перед ними туманные картины».

При чтении этой «клинической» пьесы невольно думаешь, что у чемодана самого Ионеско есть какое-то второе дно и там он прячет мысли и чувства, позволяющие ему самому жить и дышать. Может быть, сам того не желая, под занавес — но не пьесы, а интервью о ней — некоторые из них он высказал. Это — программа полного антиионеско. «Нет большого чуда, большей сказки, — читаем мы, — которая бы превзошла простую возможность сказать: «Этим утром я встал, открыл окно и

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

Рис. В. ПЕСКОВА

рождает, мягко выражаясь, скуку.

После посещения страны «своего детства» герой пьесы — опускаю названные друг на друга эпизоды — в конце концов оказывается на вокзале около груды чемоданов. Критик еженедельника «Экспресс» Робер Кантер полагает, что эти чемоданы должны символизировать накопленные в течение жизни впечатления, которые как бы остаются ненужными, внешними, «...подобно знаниям, позволяющим говорить о человеке, что он с багажом». Обозреватель газеты «Монд» Мишель Курно в своей оценке пьесы более прямолинеен. «Человек с чемоданами», — пишет он, — мрачная пьеса. Она заставляет думать о знаках, которые подаст большой со своего ложа не видящим его прохожим на улице... Зрители чувствуют себя по-

солнце светило... Даже если дождь, все равно... Любое мгновение жизни — счастливое, и каждое из них — первое в жизни».

Мне, кажется, что если бы подобного рода мысли не были припрятаны Ионеско куда-то очень глубоко для «личного потребления», если бы он думал о том, что в «минушем сорокалети» война надолго лишила людей права открыть окно своего дома и порадоваться солнцу или дождю, что сами стекла окон перечерчивались наклеенными бумажными лентами, увеличивающими сопротивление взрывной волне, и целые годы состояли из мгновений, грозивших стать не первыми, а последними в жизни огромного количества людей, — то герою его пьесы снились бы несколько иные сны. А так при всем нагнетании «метафизи-

ческой» мрачности, которым отличается пьеса, тем не менее, окинув ее взглядом в целом, убеждаешься, что «человек с чемоданами» как-то весьма благополучно проспал как раз те годы, когда спокойный сон был мало кому доступной роскошью.

«За веками их глаз — история, за веками их глаз — картина пропasti, а в пропасти достаточно упасть всего один лишь раз», — сказано Арагоном в «Песне, чтобы забыть Дахау». За веками глаз героя Ионеско — лишь «нечто метафизическое», поэтому и чувствуют себя зрители «посторонними» в зале.

Но в определенной мере и сам автор — «посторонний» в своей пьесе. «Я испытываю наслаждение, — говорит Ионеско, — играя с тем, что первостепенно с тем, что страшно...» И действительно, перед нами не более чем игра, в которой происходящее «внешне» и по отношению к автору, не случайно он сам утверждает, что его пьеса — значительная мера «стилистических упражнений». Не являются ли такими же «стилистическими упражнениями» и филиппики, которые Эжен Ионеско время от времени печатает в «Фигаро»? Но, если в пьесах у Ионеско основной стилистический ход, так сказать, «экранизация сновидений», то как политический полемист он прибегает к иному приему. «Мы бросаемся в политические схватки, — признается он в своем интервью с Франсуазой Варенн, — ...с заявленными глазами и с заткнутыми ушами». По правде говоря, можно было и не раскрывать такого «профессионального секрета». О том, что гневный противник разрядки, «кричащий громче всех», предварительно завязал себе глаза и заткнул уши, свидетельствует любое произносимое им в этой роли слово. Несомненно, что и здесь дает о себе знать любовь Ионеско «играть с тем, что первостепенно, с тем, что страшно».

Однако, право же, было лучше для всех, если бы автор «Человека с чемоданами» удовлетворял эту свою страсть, действительно играя в «нато». А если эта игра кажется ему не столь уж острой, можно рекомендовать соперничающую с ней «конфронтацию». Здесь, на корбке, изображены разные виды ракетного оружия, а в центре заманчивые слова — «ваш палец на кнопке».

По правде сказать, могли бы соответствующие фирмы и подарить Эжену Ионеско полные наборы таких игр. Ведь его перо способствует продаже их продукции. Пусть бы себе забавлялся почтенный академик.